

мейна, тихонько разделась и легла с ним рядом. Проснулся он, увидел ее и спрашивает, кто она такая.

– Сэр, – она отвечает, – я дочь сэра Персианта, я пришла по повелению моего отца.

– Вы девица или замужняя дама?

– Сэр, – отвечает она, – я чистая девственница.

– Господь меня упаси, – говорит он, – чтобы я вас лишил девственности и тем причинил сэру Персианту столь великий стыд! И потому прошу вас, любезная девица, встаньте с этого ложа – или же придется встать мне.

– Сэр, – сказала она, – я ведь явилась сюда не по моей воле, – но по отцовскому велению.

– Увы! – сказал сэр Бомейн. – Позор был бы мне, рыцарю, если бы я причинил вашему отцу такое бесчестие.

Он поцеловал ее, и она удалилась и, придя к отцу своему сэру Персианту, поведала ему все, как и что с ней было.

– Истинно, – сказал сэр Персиант, – кто бы он ни был, он муж благороднейший.

Здесь мы оставляем их до утра.

13

А наутро сэр Бомейн и его дама отслушали обедню, утолили голод и стали прощаться.

– Любезная девица, – сказал сэр Персиант, – куда везете вы с собой этого рыцаря?

– Сэр, – отвечала она, – этот рыцарь едет к Замку Угроз, в котором терпит осаду моя сестра.

– А-а, – сказал сэр Персиант, – знаю, ее осаждают Рыцарь Красного Поля, самый беспощадный, свирепый рыцарь, какого я только встречал на земле, и человек, не ведающий милосердия. К тому же, говорят, в нем сила семи мужей. Спаси вас Бог, сэр Бомейн, от этого рыцаря, но он жестоко утесняет ту даму, а это великой жалости достойно, ибо она – одна из прекраснейших дам на свете, и вижу я, ваша дама – ее сестра.

– Ваше имя не Лионетта?

– Да, сэр, так меня зовут, а госпожа моя сестра зовется леди Лионесса.

– Вот что я вам скажу, – говорит сэр Персиант, – этот Красный Рыцарь Красного Поля давно обложил ее замок, скоро два года стоит он осадой, и он уже много раз мог бы его взять, но он все тянет и медлит, ибо хочет дожидаться, чтобы приехал биться с ним в поединке сэр Ланселот Озерный, или сэр Тристрам, или же сэр Ламорак Уэльский, или же сэр Гавейн, вот потому-то он и продолжает осаду. А теперь, господин мой, – сказал сэр Персиант Индийский, – поезжайте с легким сердцем и с тяжелой рукой, ибо вам предстоит сразиться с достойнейшим противником.

– Вот посмотрите, как я с ним управлюсь, – сказал сэр Бомейн.

– Сэр, – сказала тут девица Лионетта, – я прошу вас за этого благородного юношу: посвятите его в рыцари, прежде чем ему драться с Красным Рыцарем.

– Я готов со всей моей охотой, – отвечал сэр Персиант. – Если только он согласен принять посвящение в Рыцарский Орден от такого незнатного человека, как я.

– Сэр, – отвечал Бомейн, – я вас благодарю, но мне уже посчастливилось в этом: сам сэр Ланселот Озерный посвятил меня в рыцари.

– О! – воскликнул сэр Персиант, – более почетного посвящения не могли бы вы удостоиться, ибо среди всех рыцарей он должен быть назван главою рыцарства, и по всему свету идет молва, что славу истинного рыцарства разделили между собой три рыцаря: сэр Ланселот Озерный, сэр Тристрам Лионский и сэр Ламорак Уэльский. Эти трое – из рыцарей славнейшие, но есть и много других благородных рыцарей, как сэр Паломид-Сарацин, сэр Сафир, его брат; а также сэр Блеоберис и его брат, сэр Бламур Ганский; и сэр Борс Ганский, и сэр Эктор Окраинный, и сэр Персиваль Уэльский. Эти все и еще многие – благородные рыцари, но нет среди них ни одного со столь славным именем, как те трое. А потому да пошлет вам Господь Удачу, – так сказал сэр Персиант, – ибо, если вы одолеете Красного Рыцаря, будете вы почитаться четвертым рыцарем в мире.

– Сэр, – отвечал Бомейн, – мне бы очень хотелось приобрести рыцарскую славу и доброе имя. Знайте, что я из хорошего рода, смело могу сказать, что отец мой – благородный барон. И если вы обещаете хранить это в тайне, и эта благородная девица тоже, я открою вам, кто я таков и из какого рода.

– Мы не выдадим вас, – сказали они оба, – пока вы сами того не пожелаете, клянемся нашей